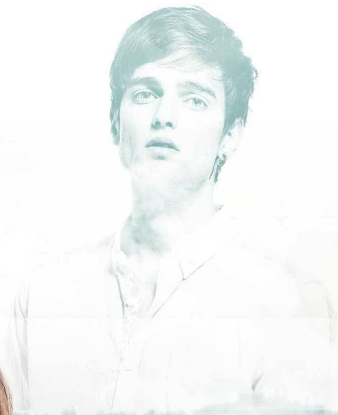

Галина
Голицына

ПРИГЛАДЫВАЮЩИЙ
С НЕБЕС

Галина Голицына

Приглядывающий с небес

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24616741
Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2017*

Аннотация

Бывают случаи, когда даже смерть не может окончательно разлучить двух любящих людей. Происки врагов привели к гибели Арсения, но он даже из другого измерения продолжает оберегать Лену, которой грозят большие беды. И тандем двух влюбленных оказывается непобедимым! Так же, как непобедима ее любовь к нему: роман с живым человеком перешел в роман с его душой.

Галина Голицына

Приглядывающий с небес

Позвонила Вероника и, захлёбываясь слезами, прокричала в трубку:

– Ленка, Арсения сбила машина!

– Сильно? – испугалась я.

– Насовсем...

Дальше трубка булькнула, захрипела, и связь прервалась. Наверное, Вероника затопила мембрану горючими слезами. А что вы думаете, она вполне способна!

Положив трубку на рычаг, я тихо опустилась на пол. Итак, Арсения больше нет... Исчезла путеводная звезда моей жизни, да и сама жизнь, в общем-то, потеряла смысл.

Я долго сидела – не двигаясь, не думая, не дыша, а в голове молоточком стучало ахматовское:

Слава тебе, безысходная боль!

Умер вчера сероглазый король...

Знаете, за что я особенно люблю классиков? За то, что их романтические строки очень часто без всяких поправок бывают применимы к реальной жизни.

Итак, я сидела на полу, пытаюсь свыкнуться со страшной новостью; свыкнуться с мыслью, что дальше мне предстоит жить в каких-то совершенно новых для меня условиях, пред-

стоит найти какую-то зацепку, ради которой стоило бы жить дальше. Иначе – пустота и безысходность. Из моей души выпала самая главная деталь, на которой вся душа, собственно, и держалась. Эту зияющую брешь ни заделать, ни скрыть не удастся. Как бы вся душа в прах не рассыпалась... Чем мне жить дальше? И как жить?..

Вот Оленька в этом году пойдёт в первый класс. Свет моей души, радость единственная... Ясная моя девочка, как жаль, что я родила тебя не от Арсения! Было бы совсем как в стихотворении про сероглазого короля...

В комнату вошёл муж и удивлённо воззрился на меня:

– Чего на полу сидишь?

– Арсений погиб...

– Аминь, – кивнул он. – Давно пора!

Зря он это сказал. Ох, зря... Но именно его хамство вернуло меня к жизни. Я пружинкой подскочила с пола и ушла на улицу, громко хлопнув дверью. Мне надо было подумать.

На похороны решила не ехать. Не хотела видеть его мёртвым. Вероника, конечно, положит от меня букет. А венка с душещипательной надписью не надо. Зачем лишний скандал?

Детство наше прошло в маленьком городке, в двух часах езды от областного центра. Я, Арсений и Вероника учились в одном классе. Сказать, что у нас с Сеней была любовь, – ничего не сказать. Мы просто были двумя половинками одного

целого. У нас даже кошелёк был один на двоих. Каждое утро мы складывали туда полученные от родителей денежки, а потом на переменках решали, что покупать в школьном буфете: бутерброды или пирожные. Иногда вопрос решался иначе: стоически проголодав весь день, мы бежали после уроков в забегаловку на углу, чтобы в компании работяг, пьяниц, торговков с колхозного рынка поесть удивительно ароматных и вкусных чебуреков. А потом на другом углу, через дорогу, у сизоносой мороженщицы покупали пломбир в вафельных стаканчиках. На десерт.

Да уж, славное было время. И что интересно: нас не дразнили одноклассники, не доставали учителя. Единственными нашими недругами были, как ни странно, наши родители.

Арсений вырос в семье, где было четыре поколения военных. Его старшая сестра вышла замуж за лейтенанта и, выходя, не нарушила семейной традиции. Сене тоже прочили офицерскую карьеру, а чтобы эта карьера шла более успешно, мечтали женить его на генеральской дочке – чтобы, значит, тень-генерал продвигал зятя по служебной лестнице.

Я же в эту идеальную схему не вписывалась никак. Мои родители – преподаватели техникума, «гнилая интеллигенция» – очень небогато жили на свои смешные зарплатки, а уж военной карьере будущего зятя, конечно, никак не могли поспособствовать.

Словом, родители Арсения смотрели на моих родителей свысока и меня, конечно, всерьёз не воспринимали.

Мои же родители свысока смотрели на семью Арсения. Мой отец всех военных людей называл «дуболомами», «дубовой рощей» и говорил, что их интеллектуальный потенциал заканчивается уровнем «упал – отжался». Мама же даже представить не могла, что я стану женой военного и буду мотаться с ним по гарнизонам, жить в общежитиях или на съёмных квартирах, без удобств, и главное – вдали от неё. Разве гарнизонная жизнь – для меня? А вдруг меня там съедят тараканы и крысы?..

То, что мы нежно и трепетно любили друг друга, всерьёз не принималось ни одной из сторон. Наши семьи вели скрытую войну. Монтекки и Капулетти. В общем, нас всё-таки разлучили – путём взаимных очернений, ультиматумов, материнских слёз и прочих недозволенных методов. И что же? Бог наказал всех участников этого фарса.

У Сени на первом курсе во время усиленных физических нагрузок (а именно – во время тяжёлого марш-броска) случился сердечный приступ. Его положили в госпиталь, обследовали особо тщательно и обнаружили какой-то хитроумный порок сердца, который пока что не ремонтируется даже хирургически. Конечно, его тут же отчислили из военного училища, и мечта о блестящей военной карьере накрылась таким же блестящим медным тазом.

Конечно, молодой и очень способный парень не мог остаться без образования. И самому Арсению, и его родным было ясно, что надо продолжать учёбу в каком-то граждан-

ском вузе. На семейном совете решили, что больше всего ему подойдёт политехнический институт. В нашем областном центре пять вузов, и политехнический, конечно, тоже имеется. Но там ведь училась я! Правда, не в политехническом, а в университете, на филологическом факультете, но город-то – один! А родители Арсения понимали, что там мы непременно продолжим нашу любовь, и, лишённые родительского надзора, можем совершить нечто непоправимое. Например, пожениться.

До сих пор в толк не возьму, чего же они так упорствовали. Ну, когда-то считали, что из меня не получится образцовая офицерская жена. Но ведь из Сени-то офицер тоже не получился! Выходит, что его родители сопротивлялись уже просто по привычке или из вредности. И отправили его учиться на Урал, где жил он у семиюродной тётки, которой, подозреваю, был нужен, как рыбе зонтик. Сеня рассказывал, что сначала он героически сопротивлялся, не хотел ехать через полстраны, а хотел, понятное дело, быть как можно ближе ко мне. Но Уральский политехнический – институт серьёзный, там есть такие интересные и редкие специальности, что другим вузам и во сне не приснятся. Вот этим-то его и соблазнили.

Меня же за это время родители уговорили выйти замуж за выпускника медицинского института. Конечно, поначалу мысль о замужестве никак не укладывалась в моей голове. Что, разве моим мужем может стать не Сеня, а кто-то дру-

гой? Как такое может быть? Смешно даже думать об этом...

Но мама шёпотом рассказала мне страшную тайну: якобы у Сени там, на Урале, появилась новая пассия, и, по слухам, он ею увлёкся не на шутку.

– Мама, кто рассказал тебе эту чушь? – смеялась я поначалу.

– Это не чушь, Леночка! Та девушка, его новая зазноба, – дочь крупного тамошнего чиновника. Говорят, отец её – человек очень богатый и очень влиятельный.

– Ну и что? Всё равно, она – не я, – продолжала я отшучиваться, хотя на душе у меня скребли даже не кошки, а прямо тигры какие-то или пантеры.

– Лена, ты что, забыла, о чём всегда мечтали его родители?

Ну, этого я как раз не забыла. Когда-то они мечтали женить Сению на генеральской дочке, чтобы он делал военную карьеру. А теперь, когда стало ясно, что карьера его будет не военная, а гражданская, то вполне логично было бы женить его на дочке крупного чиновника, пускай и местного масштаба, и теперь уже не папа-генерал, а папа-чиновник поможет новоиспечённому зятю сделать хорошую карьеру в серьёзном промышленном регионе. К диплому инженера, который получит Сеня, лучше всего подойдёт именно такой тесть! И место для жизненного старта вполне подходящее. Похоже, Арсений даже не станет возвращаться в наше захоlustье. Что он здесь забыл?

Да меня он здесь забыл! Но это, похоже, не в счёт...

– Мама, а может, это всё – досужие домыслы? – продолжила я цепляться за соломинку.

– Ничего себе домыслы! – ахала моя мама и удручённо качала головой, удивляясь моей наивности и недалёковидности. – Мамаша сейчас к нему поехала. Ясное дело, с будущими родственниками познакомиться хочет. Не пускать же такое серьёзное дело на самотёк! А что же сам Арсений, что тебе пишет?

Это был запрещённый приём, удар ниже пояса. Телефона у нас дома не было, у тётки Арсения на Урале – тоже, а мобильных тогда ещё не придумали. Поэтому общение наше осуществлялось посредством переписки, причём довольно оживлённой. Но в какой-то момент – как отрезало. Арсений мне давно уже не писал сам и не отвечал на мои письма. Теперь мне постепенно становилось ясно, почему. А что же он напишет? Что нашёл мне замену? Так окончательное решение ещё, похоже, не принято. Вдруг строгая мамаша не одобрит его выбор, придётся тогда новую зазнобу подыскивать. Хотя мама, скорее всего, убедит сыночка искать не столько новую зазнобу, сколько нового, более перспективного тестя, а уж какая там дочка у этого будущего тестя – не суть важно. Так о чём же писать?

Конечно, положение брошенной невесты – не самое завидное, это понятно. И уж никогда, ни в одном бреду или кошмарном сне мне не могло присниться, что я сама окажусь

в такой ситуации. Впрочем, я и не была официальной невестой...

Мама упорно внушала мне мысль, что клин клином вышибают. За мной тогда всюду ухлёстывал Фёдор – недавний выпускник медицинского института, молодой врач, подающий вроде бы большие надежды. Не могу сказать, что он мне нравился, но отвращения к нему я не испытывала. Скорее можно сказать, что в то время я испытывала отвращение к жизни, которая обошлась со мной так несправедливо. Но Фёдор, зная о моей трагедии, был со мной очень нежен и бесконечно терпелив. Он пообещал, что создаст для меня рай на земле. Такой благоустроенный персональный рай для меня одной. А неверного Арсения он предлагал мне если уж не забыть совсем, то, по крайней мере, спрятать подальше, в самый уголок памяти. И подал мне очень интересную мысль: Арсений заслуживает самой страшной мести. А отомстить лучше всего вот как: построить семейное счастье с ним, с Фёдором то есть, и из недр семейного рая наблюдать, как будет терзаться и мучиться неверный жених. Сейчас, дескать, он торжествует, а я страдаю. Но это не может и не должно продолжаться бесконечно. Очень скоро он поймёт, как был неправ, но будет уже поздно – я буду замужем за Федей, буду счастлива и полностью довольна жизнью. А Арсений пускай потом локти себе кусает, пускай потом всю жизнь раскаивается!

Не знаю, что на меня нашло в тот момент, но мысль пока-

залась мне чрезвычайно интересной и привлекательной. Да-да, отомстить, непременно отомстить! Выйти замуж за Фёдора и показать язык Арсению.

Я повнимательнее присмотрелась к Фёдору и решила быть послушной девочкой, во всём довериться своей маме.

Мама твердила, что он очень интеллигентный мальчик, а это, по её мнению, самое важное в семейной жизни. Правда, постепенно выяснилось, что «интеллигентный мальчик» на самом деле пьяница и бабник, но изменить уже ничего было нельзя. Арсений для меня был по-прежнему недоступен.

Однако прошло не так уж много времени, и жизнь всё расставила по своим местам. Всё тайное, как водится, стало явным, причём выяснились интереснейшие факты.

Оказывается, Арсений не писал мне просто потому, что очень сильно заболел. Снова – дела сердечные, но не в любовном плане, а в медицинском. Когда его госпитализировали, тётка, у которой он жил, немедленно телеграфировала Сениным родителям. Любящая мама сразу же полетела на Урал, но во избежание ненужного ажиотажа обмолвилась соседкам, что едет знакомиться с родственниками новой Сениной невесты. Может быть, эта странная женщина думала, что если она скроет его обострившуюся болезнь и придумает несуществующую невесту, то болезнь отступит, а невеста появится. Не в меру услужливые соседки мгновенно, причём с большой радостью, донесли эту весть до ушей моей мамы, а она поспешила поделиться новостью со мной. Естественно,

из самых лучших побуждений.

Приехав к сыну, Сенина мама поспешила первым делом пресечь поток корреспонденции, которая, по её мнению, могла повредить больному сердцу её сына. Все мои письма (а я писала по два, а то и по три письма в неделю) тут же рвались на мелкие клочки. А когда Сеня удивлялся, что письма от меня приходят перестали, мама говорила: видишь, сынок, стоило тебе заболеть, и твоя Елена Прекрасная и думать о тебе забыла. Естественно, Сенины письма, которые он писал мне из больницы и просил маму бросить их в почтовый ящик, она отправляла туда же, куда и мои, – в мусорную корзину. Получается, что наши письма всё-таки встречались – там, в мусорнике, – но ни я, ни Сеня об этом не знали.

Ну, она это делала якобы не со зла, а искренне считала, что так будет лучше для Арсения. Думала, что так ему будет спокойнее.

Потом на Урал полетела весть, что я вышла замуж. Этого Сеня пережить не смог и даже сделал попытку наложить на себя руки. Но родня быстро повернула дело так, что это была вовсе не попытка суицида, а обострение болезни сердца, и Сеню миновала участь всех самоубийц-неудачников: он не попал на принудительное лечение в психушку и не оказался на учёте у районного психиатра.

А мама его торжествовала: видишь, сынок, я же тебе говорила!

Конечно, рано или поздно всё должно было выясниться.

Оно и выяснилось. Сеня приехал ко мне, и мы с ним очень серьёзно поговорили. Он изложил мне ту версию, которую рассказывали ему. Я, в свою очередь, рассказала то, что говорили мне. Стало ясно, что нас обоих провели, как маленьких детей. Но... Что сделано, то сделано! Никто не в силах изменить прошлое.

Теперь между нами стояли не только несговорчивые наши родители, заочно ведущие непримиримую войну, но ещё и мой муж. Фёдор к тому моменту уже начал спиваться, и было ясно, что процесс этот необратимый.

А у меня тем временем подрастала Оленька, и лишить её отца, пусть даже такого завалыщенького, я не решилась.

Однако с Арсением мы продолжали созваниваться, изредка виделись, мой муж был в курсе наших отношений, и ему это активно не нравилось. Он при каждом удобном случае говорил мне разные гадости, но делать серьёзные пакости не решался, поскольку, во-первых, у самого было рыльце в пушку, а во-вторых, Арсения он побаивался.

Я после окончания университета осталась жить и работать здесь, в областном центре. Арсений же на Урале как-то не прижился, вернулся домой, в наш маленький городок, тихий райцентр. Переехать поближе ко мне он не решился, потому что родители убедили его, что он – их единственная надежда, опора и поддержка в старости. Его старшая сестра, жена военного, как и положено, колесила вслед за мужем по необъятным просторам нашей огромной страны, и так выхо-

дило, что о престарелых родителях должен был заботиться Арсений.

Честно говоря, не такие уж они и престарелые. Оба не столько болели, сколько играли у сына на нервах. Он это всегда понимал, но не обижался, а только посмеивался. Ну, и оставался на месте.

Я задумалась: а почему, собственно, я не бросила смертельно надоевшего мне мужа-пьяницу и не вышла замуж за любимого мужчину?

Ах, предрассудки, предрассудки... Разводиться – некрасиво... Что за чушь? Не средневековье же на дворе! И разве Фёдор – подходящий отец для Олечки? Правда, каким отцом мог бы стать для неё Арсений – хорошим или так себе, – мне узнать так и не довелось. Мы же встречались с ним с глазу на глаз, без Оли, без Фёдора, без его и моих родителей. Должно быть, я всё-таки побаивалась, что Арсений не сможет полюбить моего ребёнка всей душой, не найдёт для Олечки места в своём сердце, вот и не спешила менять свою, его и Олечкину жизнь... Ну, конечно, и Федину жизнь тоже, но это уже не так важно.

И вот теперь Арсения нет, а я осталась один на один со своей загубленной жизнью. Оленька проводит лето у моих родителей, в городе моего детства. Я как раз собиралась туда на выходные, чтобы проведать её, но теперь не поеду. Там хоронят Арсения...

Ночью мне приснился необычный сон. Очень и очень странный. Как будто на пороге нашей убогой двухкомнатной квартирki возник Арсений.

Я в радостном недоумении бросаюсь к нему со словами:

– А мне сказали – ты умер...

– Я умер.

– А... как же... – торможу я в двух шагах от него.

– Не думай об этом.

Вдруг я ощущаю присутствие мужа. Оборачиваюсь влево – точно, стоит в проёме кухонной двери, сжав челюсти. Я физически чувствую его плохое настроение, его неприязнь к Сене: «Снова припёрся, гад...»

И тут Арсений говорит мне:

– Я ехал тебя предупредить...

Я перебиваю:

– Так ты живой или нет?

– Нет.

И тут мой муж, решив вмешаться, цедит сквозь зубы:

– Зачем ты открыла ему дверь?

– Я не открывала.

– Как же он здесь оказался?

Действительно, как? Я машинально взглянула на дверь: закрыта на засов и цепочку, потому что мы, видимо, уже собирались спать.

И тут до меня начинает доходить... Я изумлённо смотрю на Сеню, хочу его потрогать, но мои руки погружают-

ся в странную субстанцию – туман, облако, непонятно что. Я с ужасом понимаю, что его лицо, руки, рубашка в клеточку, куртка – всё это просто разноцветный туман, мираж, фата-моргана. Потом Сеня стал меня обнимать, и это было очень приятно. Нет, объятий как таковых я не чувствовала, – нельзя же почувствовать туман! – но меня охватило чувство какой-то особенной защищённости, душевного комфорта и бесконечного покоя.

Вот с этим чувством я и проснулась. Мне было необыкновенно хорошо, хотелось петь, хотелось улыбаться. В первые секунды после пробуждения я была уверена, что Арсений жив, по крайней мере – для меня. Я же только что с ним общалась! И потом до самого вечера я хранила в себе это тёплое, уютное чувство единения с любимым. Спать завалилась ещё засветло в полной уверенности, что он снова придёт в мой сон.

Но он не пришёл ни в эту ночь, ни в следующую.

Два дня спустя приехала Вероника. Вместо приветствия сказала:

- Хорошо, что тебя не было на похоронах.
- Здравствуй, Вероника!
- Здравия желаю. Его мамаша клянётся, что зароет тебя живьём.
- Так не я ж его сбила!
- А его вообще никто не сбивал. Папа-полковник всех

судмедэкспертов по стойке «смирно» поставил, так что до правды быстро докопались. Оказывается, ему вкололи смертельную инъекцию, а потом на тихой просеке машиной переехали. Уже мёртвого. Чтобы было похоже на несчастный случай.

– Так. Занятно. А я при чём?

– Он якобы собирался ехать к тебе. Так его мамаша утверждает.

– Так мы за три дня до этого виделись. А на выходные я туда собиралась. Олечку проведать. Ну, и его тоже. С чего бы это ему?..

– Вроде предупредить тебя о чём-то хотел. Срочно.

– Ах, да...

– Что «да»?

Я испуганно глянула на Веронику. Сердце у меня заколотилось между горлом и затылком, мозги напрочь отказались соображать.

Постепенно, выдавливая из себя по одному слову, по одному междометию, я рассказала ей свой сон.

Она недоверчиво покачала головой:

– Не может быть...

– Да, я понимаю, правдой это быть не может, и тем не менее – правда, – развела я руками в полной растерянности.

Мы помолчали, переваривая мысли и переживая шок.

Верка маялась даже больше меня:

– Как думаешь, о чём собирался предупредить?

– Сама можешь представить, как сильно мне хочется это узнать! Главное, что обидно: сама же, идиотка, его и перебила... Может, он всё же что-то кому-то сказал?

– Вроде нет. Только родителей предупредил, что собирается к тебе. Срочно. И исчез. Они думали – к тебе поехал. Проклятия вдогонку слали. А через день их пригласили в морг для опознания. В кармане куртки нашли билет в твою сторону. Неиспользованный. Поняли, что до тебя он не доехал, но мамаша считает тебя главной виновницей.

– Верка, мне страшно. О чём он хотел предупредить? Разве нельзя было сделать это по телефону? Что это за тайна?

Вероника пожала плечами и хмыкнула:

– Тайна сия велика есть. А узнать её хотят все – ты, я, его родители, милиция – в общем, весь наш тихий городок.

Хлопнула входная дверь: пришёл мой муж, Федя – ясное солнышко. Естественно, навеселе. Пьяненько улыбнулся, приветливо помахал Веронике и, едва разувшись, бухнулся спать.

Я вздохнула:

– Вот кого не волнуют никакие тайны. Ему важен не процесс, а результат. С тех пор, как узнал о смерти Арсения, не просыхает. От радости.

– Его можно понять, – философски изрекла подруга.

– Да брось... Он уже давно живёт своей жизнью, в которую я не лезу. С чего бы ему соваться в мою?

– Из вредности. Слушай, а он работает?

– Что ты! Когда ему работать? Знаешь же золотое правило алкоголиков: если пьянка мешает работе – брось работу.

– И он бросил? – ахнула Вера.

– Как ты можешь так плохо думать о моём муже, – покачала я головой. – Не он бросил работу, а работа – его. Выгнали Фёду. Врач-алкоголик даже в бесплатной и беззарплатной медицине никому не нужен.

– И он сидит на твоей шее?

– Не всегда. Какие-то деньги у него изредка появляются. Откуда – я не интересуюсь. Всё равно ведь правды не скажет. Бутылки он собирает или грузчиком подрабатывает – мне без разницы.

– Героическая ты женщина, – вздохнула Вероника. – У меня так не получается.

Своего последнего мужа она выгнала именно за тунеядство, а предпоследнего – за слишком вольное понимание семейной жизни.

– Да ладно, – махнула я рукой. – Ест он не много, так что не жалко.

Естественно, Вероника у нас заночевала. Поскольку мой Фёдор заснул в гостиной на диване, Верке пришлось лечь в нашей спальне.

Ночью я снова увиделась с Сеней. Он смотрел на меня с неизбывной грустью. В этом сне мужа не было, но я остро чувствовала, что эта грусть как-то связана с ним.

Я смеялась:

– Как ты можешь ревновать? Он давно уже пустое место. Но всё-таки – Олечкин отец.

Тут я зачем-то стала рассказывать ему о том, что Олечка в этом году идёт в первый класс, хотя он прекрасно это знал.

Сеня смотрел на меня с болью и, не открывая рта, умолял.

– Спасай Олечку, спасай себя...

Тут меня будто толкнули, и я проснулась. Села в кровати, пытаюсь унять дрожь и определить, где я и что со мной.

Комнату заливал лунный свет. Рядом безмятежно спала Вероника. Я решила, что с её стороны это большое свинство – спать, когда я вот так колочусь. Пусть и она проникнется!

Будить её пришлось долго, но я настойчивая.

Потерев глаза и всласть зевнув, бедная моя подружка хрипло спросила:

– Ну, чего тебе?

– Сеня приходил.

– Куда?

– Ко мне. Только что.

– Где? – стала она крутить головой.

– Да нет его здесь, балда! Во сне приходил.

– А-а...

Она потеряла ко мне интерес и бухнулась на подушку. Правда, тут же вскочила и уставилась на меня:

– И чего сказал?

– Я опять ничего не поняла. Я почему-то говорила, что Олечке пора в школу, а он сказал, чтобы я её спасала. И себя.

Школа ей грозит несчастьем, что ли? – Я заплакала. – Верка, я боюсь...

– Так. Расскажи мне весь сон, пока не забыла.

Я честно рассказала всё, как помнила, и, опустошённая рассказом и слезами, легла на подушку.

Вероника тщательно меня укрыла, подоткнула одеяло и сказала:

– Теперь спи. Утром думать будем.

А утром мы с подружкой надумали ехать к моим родителям. Олечку мне хотелось повидать, да и к Арсению на могилу надо бы наведаться. Я ещё успела застать Федю трезвым. Втолковала ему, что пару дней побуду с родителями и Олей. Кажется, понял.

Между нашими городами очень удобное транспортное сообщение: и автобусы ходят, и электрички. Мы выбрали автобус: и быстрее, и комфорта больше, и покоя: за высокими мягкими спинками можно на время пути укрыться от чужих глаз и ушей, поговорить о сокровенном, помолчать, подумать, даже тихонько поплакать.

Всю эту программу мы с Вероникой выполнили. Она даже всплакнула со мной за компанию. После синхронного утирания слёз, деликатных сморканий в надушенные платочки и горестных вздохов мы пришли к выводу, что Арсений снится мне неспроста. Скажет он мне что-то дельное или так и будет интриговать – одному Богу ведомо, но на могилку к

нему сходить необходимо и службу заказать в церкви тоже бы неплохо. Может, душа его успокоится.

Остаток дороги мы посвятили воспоминаниям. Вспоминали детство наше золотое, незабываемую школьную юность. Разговор, естественно, крутился вокруг Сениной персоны, но рикошетом задевал всех наших одноклассников и учителей.

Мы вспомнили, как к нам в школу пришла новая учительница, и её, как на грех, назначили к нам классным руководителем, потому что наша классная дама тогда как раз ушла в декретный отпуск. Новая училка сразу же, засучив рукава, принялась нас перевоспитывать. Ну, видимо, именно так она понимала свою миссию классного руководителя.

Боже, как же люто мы её ненавидели! А за что любить истеричку, к тому же больную на всю голову?

Звали её Алиса Георгиевна, но поскольку она была достаточно молодой женщиной – где-то в районе тридцати, – некоторые наши пожилые учителя стали по-свойски звать её Алечкой. Так вот она сделала им в учительской строгий выговор и напонила, что в школе нет и не может быть ни Алечек, ни Валечек, что к учителям уменьшительные имена неприменимы. И сказала, что зовут её Алиса Георгиевна, и никак иначе. Но выговаривать эту абракадабру – «Алиса Георгиевна» – охотников было не так уж много.

Мы тут же, естественно, прилепили ей кличку. Поскольку имя «Алиса» у нас, как и у всех советских детей, ассоци-

ировалось исключительно со сказочной лисой, то мы, естественно, и прозвали её «Лисой». И отчество переделали в соответствии с её ужасным характером.

В общем, была она Алиса Георгиевна, а стала Лиса Горгоновна. Потом для краткости имя мы стали отбрасывать, то есть звали её сначала Горгоновной, потом – Горгоной, и так, постепенно, она превратилась в Медузу. Так её и звала вся школа.

Ну, все учителя рано или поздно узнают о своих кличках. Эта, я уверена, узнала о своей быстро. И вот интересно, она догадалась, почему её зовут именно Медузой?

Кличку ей придумали мы с Сеней. Я из Алисы превратила её в Лису, а Сеня переделал отчество. Мы были детками начитанными, прекрасно знали и русские народные сказки, и произведения современных детских писателей, и мифы Древней Греции, поэтому для нас превращение Алисы Георгиевны в Медузу Горгоновну было делом как бы естественным, вполне понятным. Но я сильно сомневаюсь, что она сама поняла, почему стала именно Медузой, а не кем-то ещё.

Было это в седьмом классе, и девочки наши уже стали потихоньку пользоваться косметикой. Так Медуза всегда перед первым уроком становилась в дверях нашего класса с белоснежным носовым платочком в руке и всем девочкам проводила тест на наличие косметики: проводила этим платочком по лицам. И не дай бог, чтобы на платочке остался след румян или пудры! Или, хуже того, чёрная полоса от туши для

ресниц! Тут уже, если следовать мифологии, наша Медуза превращалась в Сирену. Она так голосила, так завывала, что окружающие, зажав уши, бросались врассыпную.

Ещё она линейкой измеряла нам длину юбок. У неё была какая-то своя система мер и весов, а также своё представление о том, что «прилично», а что – нет. В первый раз, явившись с линейкой, она почти половину девочек не пустила в класс, заявив, что носить такие короткие юбки недопустимо. Мы, дескать, школьницы, а не бог знает кто. И велела всем выгнанным назавтра прийти в юбках такой длины, чтобы ей не было за нас стыдно.

Назавтра многие девочки послушно надели юбки, не просто закрывающие колено, а достигающие до середины лодыжек. Думали, Медуза расцветёт от счастья.

Как бы не так! Она снова орала, шипела, брызгала слюной. Мы еле-еле поняли, что в юбках такой длины в школу не ходят, потому что здесь не ресторан.

Честно сказать, мы в седьмом классе по ресторанам не ходили, поэтому не могли знать, как туда принято одеваться. А в школу, как оказалось, можно приходить в любой одежде. Главное условие – чтобы она уродовала учениц. Вот тогда ни фасон, ни длина юбки никакого значения не имеют. А вот если одежда делала девочек хоть чуть-чуть привлекательными, то Медуза Горгоновна тут же объявляла им войну.

О надлежащем воспитании мальчиков эта фурия тоже не забывала. Она тщательно следила за их стрижками. Здесь то-

же главным условием было уродство. Узрев у Арсения волнистый чуб, она тут же, прямо с урока, отправила его в парикмахерскую – стричься. Он послушался и попросил мастера подстричь его покороче. Но мастер в парикмахерской, как назло, попался очень хороший, буквально фанат своего дела. Он внимательно посмотрел на Арсения, изучил его форму черепа, овал лица, структуру волос, и сделал стрижку буквально модельную, хоть сейчас – на обложку журнала. В общем, в школу Арсений вернулся ещё симпатичнее, чем был до этого.

Что тут было! С Медузой чуть родимчик не приключился. Мы надеялись, что теперь-то мы уж точно её потеряем. Однако – не тут-то было. Она оказалась живучей, как та самая мифическая Горгона. Потом на переменке построила наших великовозрастных ребят и строем повела их на первый этаж – туда, где учились первоклашки. И показала, как должна выглядеть причёска школьника. Оказалось, что её идеал мужской стрижки – это стриженный под машинку, практически голый череп, издевательски украшенный дурацкой жиденькой чёлочкой. Кто бы мог подумать, что у неё такой странный вкус...

Да дело, опять-таки, не во вкусе, а в убеждении, что причёска, как и одежда, призвана не украшать человека, а как можно сильнее его уродовать. Ну что тут скажешь...

А однажды она после долгих зимних каникул вздумала проверять у девочек ногти. И у некоторых из нас ногти ока-

зались покрашенными! У меня, правда, лак на ногтях был телесного цвета, но мне всё равно было велено немедленно его смыть. А у Вероники ноготки были выкрашены вишневым лаком, и Медуза, узрев это, забилась в конвульсиях.

Мы с Веркой были отправлены в кабинет химии. Там озадаченная химичка долго переставляла в шкафу с реактивами скляночки, гадая, что бы такое нам дать для смывания лака. Потом протянула нам бутылочку с прозрачной жидкостью. Верка первая взялась за дело. Жидкость эта явно не содержала ацетона, потому что лак она с ногтей смыла плохо, зато по пальцам его размазала хорошо. И быстро закончилась. Верка так и осталась с пальцами, перемазанными красным. Была полная иллюзия окровавленных рук. И Верка целый день бегала по этажам и пугала своими «окровавленными руками» учеников – играла в вампира.

Словом, когда на следующее первое сентября к нам вернулась наша любимая классная руководительница, радости нашей не было предела. Мы с интересом ждали, кого же Медуза Горгоновна будет мучить своим воспитанием в новом учебном году. Но она никого больше не мучила. Она просто исчезла из нашей школы – как страшный сон, который исчезает к утру.

Должно быть, не только ученикам она не понравилась. Видимо, в учительском коллективе она тоже пришлась не ко двору.

И я снова носила юбки привычной длины, и никто не от-

мерял мне эту длину линейкой. А Сеня снова с гордостью носил свой волнистый чуб. И только Вероника изменила имидж. Теперь её ногти были не вишнёвого цвета, а изумрудно-зелёного. Кстати, очень красиво было. А главное – вызывающе. Ведь вызов обществу – это и есть главное предназначение и косметики, и вообще любой моды, не правда ли?

Родной город встретил меня недружелюбно. Он показался мне пустынным и неприветливым. Я понимала, откуда это чувство: здесь больше не было Арсения. Его теперь нигде не было. Я впервые поняла и прочувствовала смысл стихотворной строки: «...но мир без вас мне явится пустыней...». Одиночество и безысходность... Яркое летнее солнце кажется тусклым и холодным. Спешащие по ежедневным делам люди раздражают тем, что они живы. Они, эти незнакомые и ненужные мне люди, живы, а Сеня... Резвящиеся дети вызывают недоумение: как они могут веселиться, когда мир полон несправедливости, когда неведомая опасность подстерегает на каждом шагу?

Пока меня эдак разбирало, Вероника рассудила здраво:
– Пойдём-ка сразу на кладбище. А то как дочку увидишь, так и прилипнешь к ней, а родители твои прилипнут к тебе, так ещё большой вопрос, сумеешь ли выбраться к Арсению. А так – дело сделаем, и с чистой совестью – в лоно семьи.
– Да я только на минутку! Сумку оставлю, скажу, что приехала...

– Ага, рассиропишься, застрянешь в родных стенах, я уйду, как тогда могилку найдёшь?

И то правда. Оля точно за мной увяжется, а зачем ребёнку кладбище? А уж родители и вовсе не одобрят...

В общем, зашли мы на цветочный базарчик, я выбрала четыре великолепные белоснежные каллы. Давным-давно я прочитала, что каллы – цветы смерти. В Европе их якобы используют только для траурных мероприятий. Не могу сказать, насколько это верно для европейцев, а у нас каллы используют почему-то для свадебных букетов. Когда я вижу невесту с этими цветами, – отвожу глаза и стараюсь унять дрожь.

Вероника уверенно двигалась между крестами и оградками, и довольно быстро мы оказались на месте.

– Как это тебе удалось? – удивилась я. – Ты что, как Мальчик-с-пальчик, камешков набросала?

– Я во время похорон вот этот памятник заметила. Очень удобный ориентир: необычный и виден издали.

Необычным ориентиром оказался гранитный памятник в виде мобильного телефона. Под портретом и датами жизни-смерти змеилась надпись: «Абонент вышел из зоны обслуживания». На мой взгляд, пошло, неумно и неоригинально.

Я поморщилась:

– Чего так помпезно? Бандит, что ли?

– Нет вроде. Просто большой начальник в мире сотовой

связи. Вроде бы стоял у истоков. Его два года назад стреляли.

– Раз убили – значит, бандит! – заявила я безапелляционно.

– Сеню тоже убили. Он разве бандит? – тихо спросила Вера.

– «Если погибну насильственной смертью – прошу считать меня бандитом!» – громко засмеялась я и без всякого перехода зарыдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.